

МАЙКЛ БРАНЧ (Лондон)

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ*

1. Теории о родстве языков

Теория о родстве уральских языков развивалась одновременно с теорией о родстве индоевропейских языков. Применялись одни и те же сравнительные методы синхронного и диахронного языкознания, причем следует отметить, что специалисты в области уральского языкознания постоянно обновляли свои методы исследования, используя достижения родственных научных дисциплин. В этом отношении различие между исследованием индоевропейских и уральских языков лишь количественное: специалисты по индоевропейским языкам располагают значительным количеством фиксированного в течение тысячелетий материала, между тем как ураллисты для построения своих теорий не располагают почти ничем, кроме гипотетических допущений, если не считать нескольких отрывков средневековых текстов.

Уральские языки можно разделить на две ветви — финно-угорскую и самодийскую. Финно-угорские языки в свою очередь делятся на две большие группы — угорские и финно-пермские. Угорские делятся далее на обско-угорские — хантыйский и мансийский — и венгерский. Финно-пермская группа включает четыре подгруппы. Прежде всего, это пермские языки — коми и удмуртский. Далее идет волжская подгруппа, ныне представленная мордовскими и марийским языками. Остальные можно тоже разделить на две подгруппы — прасаамский и праприбалтийско-финский. Прасаамский развился далее, дав по меньшей мере, девять языков, а на базе праприбалтийско-финского сформировались прибалтийско-финские языки: ливский, эстонский, водский, ижорский, вепсский, карельский и финский.

В свое время эта подкупающе миловидная дифференциация принималась за серию следующих друг за другом в хронологическом порядке разделений. Предполагалось, что она началась примерно шесть или семь тысяч лет назад в рамках т. н. уральского праязыка. Данный процесс связывался со ступенчатыми миграциями народов. Однако кропотливая работа многих поколений исследователей обнаружила модель развития, оказавшуюся неизмеримо сложнее.

Во-первых, идею праязыка следует считать прежде всего лишь полезным орудием теоретических штудий. Уральский праязык не был «придуман», создан около семи тысяч лет тому назад. Можно допустить, что человеческая речь в современном ее виде существовала, по меньшей мере, двести тысяч лет и что в течение большей части этого времени языки развивались отдельно и, как правило, обособленно

* Сокращенный перевод доклада, прочитанного по-фински на конференции «Язык — это моя родина», которая состоялась 10—14 августа 1991 года в г. Эспоо (Финляндия).

друг от друга. При таком подходе следует думать, что «семья языков» образуется из группы различных языков, которые в определенное время и в определенных экокультурных условиях сплавляются, что приводит к сохранению до наших дней многих черт, возникших в ходе этого «сплавления». В этой связи важно помнить, что мы располагаем данными лишь сохранившихся языков. Известно, однако, что некоторые уральские языки исчезли в эпоху средневековья и что такая же участь ожидает в ближайшее время еще ряд уральских языков. Исследователи установили также, что уральская семья включает в себя языки неуральского происхождения и что этот процесс должен был идти постоянно.

Современные представления о развитии и нынешнем состоянии уральских языков сжато изложены в сборнике «Uralilaiset kansat. Tietoa suomen sukukielistä ja niiden puhujista» (Porvoo 1991), изданном под редакцией Йоханна Лааксо. В нем приводятся результаты новейших исследований и размышлений. Объяснение, данное Микко Корхоненом понятию уральский, представляет собой обстоятельный микроанализ явлений, которые до сих пор исследовались лишь, так сказать, под увеличительным стеклом. Констатируя своеобразие северных народов и исключая возможность расовой непрерывности, он дает такое описание развития, в котором сложные одновременные изменения и перемещения рассматриваются в качестве факторов, формирующих современный характер и классификацию уральских языков.

2. Общность истории и культуры?

Подчеркивая сходства, которые подкрепляют теорию об уральской семье языков, М. Корхонен напоминает и о различиях, вызванных многими тысячелетиями обособленного развития. Он сравнивает различия между финским и венгерским языками с различиями между шведским и русским языками. Трудно говорить об «общей истории уральских языков». Если носители их и имеют общую историю, то это относится ко времени примерно пять-семь тысяч лет тому назад, и люди той эпохи могли быть обитателями одной или нескольких зон хвойных лесов: регион среднего течения Волги, территории, прилегающие к Северному Уралу, или земли между Уральскими горами и Восточной Прибалтикой. М. Корхонен считает третий вариант со значительными оговорками наиболее достоверным. В этом аспекте речь об общей истории как бы теряет смысл. Практическое же значение имеет рассмотрение совместного опыта групп — носителей различных уральских языков, приобретенного в течение нынешнего тысячелетия, с выявлением их состояния и общих для них интересов на данном этапе развития международных связей.

3. Возникновение национальных культур и государств

Национальное государство как самостоятельная политическая единица, население которой имеет (или имело) общий язык и верит в наличие у него общего культурного наследия, является в значительной мере детищем XIX в. Оно основано на мышлении XVIII в., реализованном главным образом в конце XIX или в начале XX в. Для этого процесса характерен в первую очередь распад крупных империй.

Энтони Д. Смит, коллега из Лондонского университета, освещает в своей книге (Smith 1986) процесс осознания интеллигенцией этого чувства прошлого, которое послужило необходимой предпосылкой возникновения национального государства. В рождающемся националь-

ном государстве интеллигенция должна сначала сотворить «прошлое» как часть процесса этнической самоидентификации. Смит утверждает, что создавая историю, которая узаконивает и утверждает современность, интеллигенция стремится «заново найти» или «создать» коллективное прошлое при помощи двух критериев — дидактического и драматического.

Их подход основывается на «...определенных повторяющихся целях. Первая цель — это некоторый «натурализм». Прошлое, которое они искали, должно было являться как можно более органичным и естественным, их историю следовало понимать как продолжение того естественного состояния, в котором коллективы подчинялись таким же «законам», как те, что управляли природой. Иначе говоря, общества подчинялись тем же законам рождения, роста, процветания, гибели и обновления, которым подчинялись растения, и питались аналогичным образом. Отсутствие питательной среды грозило гибелью, и создатели нации должны были пополнять ее».

Средствами воссоздания картин прошлого служили имеющиеся научные дисциплины: кроме истории, сравнительное языкознание, археология, социология, антропология и фольклор. История, которую интеллигенту-националисту необходимо сотворить для самоидентификации и неких ценностей, призвана, по Смиту, «определить эту совокупность или единицу, «драму» которой она рассказывает; история должна и п р а в л я т ь совокупность или единицу к достижению интуитивной цели. С одной стороны, она предоставляет коллективу историю и метафизику, размещающая его во временном и пространственном плане среди других коллективов земного шара; с другой, она творит этику и модель будущего. Предлагаемая ею «драма» должна заставить нас как коллектив действовать в направлении достижения целей коллектива. История путем моральной активизации несет «весть» об обновлении, но в то же время воодушевляет и поддерживает нас при исполнении своего исторического долга перед народами мира. Поскольку каждый коллектив переживает гибель и процветание, «драма»-мифология должна «объяснить» путь роста, гибели и возрождения; первой задачей при этом является локализация и описание коллектива «таким, какой он есть» в своем «чистом» или «несмешанном» состоянии...

Имеется два способа, при помощи которых можно локализовать коллектив и раскрыть его «настоящее состояние»: поэтическая отдаленность и «золотой век». Первый «укореняет» коллектив в характерном ландшафте; второй определяет происхождение и процветание в эпоху героев. Оба дают коллективу индивидуальную историю и метафизику, из которой исходит этика обновления».

Правильность модели Смита применительно к трем утвердившимся в течение последних полутора веков национальным государствам — Венгрии, Финляндии и Эстонии — на мой взгляд, неоспорима. Метод реконструкции прошлого, конечно, различался, с одной стороны, у венгров, и, с другой, у финнов и эстонцев. Но основные процессы по своей структуре очень были схожими. На каком-то этапе общим для всех трех оказалось признание того, что их языки имели общее происхождение и что первоначальный язык четко отличался от тех языков, на которых говорили их правители и соседи.

Чтобы постичь значение изложенного, следует учесть два момента. С одной стороны, необходимо было доказать, что частью отечественной истории в давнем прошлом был «золотой век», по своим художественным, духовным и «героическим» достижениям вполне сопоставимый с культурным миром древних греков и римлян. С другой стороны, нельзя забывать более ранние представления о происхождении

и развитии языков. Еще в начале XVIII в. происхождение всех языков толковалось в соответствии с библией; в течение XVIII и XIX вв. это представление в принципе сохранялось, но происходили и некоторые изменения: точно таким же образом, как приходило осознание системности всех явлений природы — сначала по Линнею, потом по Дарвину, стала пониматься и природа языка. Языковеды занялись таксономией языков, классификацией их и определением степени родства между собой. Другие же ученые использовали результаты, достигнутые языковедами, для построения расовых теорий.

В конце XVIII и в начале XIX в. для интеллигенции Венгрии, Эстонии и Финляндии огромное значение имели два фактора — язык и фольклор. Смит подчеркивает их важность для создания отечественного «прошлого». В деталях этот процесс различен, с одной стороны, в Венгрии и, с другой, в Эстонии и Финляндии. Причина проста: Венгрия располагала документированным прошлым, сохранившим для современности как воспоминания, так и предметы, подтверждающие художественные, духовные и «героические» достижения народа. К концу XIX в. понимание финно-угорской общности у венгров начинает в значительной мере совпадать с идеями эстонцев и финнов.

Исследование языкового родства, сбор фольклорного и этнографического материала позволили углубиться в историю и найти подтверждения достижений художественного и духовного развития, о которых в документированных источниках встречались лишь редкие упоминания; однако в области этих наук интеллигенция начинала не на пустом месте. С конца XVIII в. уже накопилась некоторая информация о большинстве финно-угорязычных народов.

4. Процесс мистификации

Пражский исследователь Мирослав Хрох выделяет в своем труде (Hroch 1985) три стадии развития того явления, которое я называю мистификацией: прежде всего процесс, в ходе которого воссозданное национальное прошлое и связанная с ним культура осознаются как историческая истина, духовно важная и морально бесспорная; затем стадия, на которой явление мистификации приобретает характер большей политической динамичности и свой смысл; и наконец, переход его в социальную институцию путем использования местного языка в общественном и индивидуальном секторах администрирования, и в первую очередь — в системе образования на всех уровнях. В таком понимании Финляндия, Эстония и Венгрия воплощают три стадии данного явления.

Как показывает М. Хрох, процесс мистификации начался в Финляндии в 1820-е годы. Здесь подчеркнутое осознание языкового родства с т. н. родственными народами сыграло существенную роль в построении исторического прошлого, так как гипотеза языкового родства подтверждала другие гипотезы — основные при доказательстве такого исторического прошлого, которое выдерживает сравнение и по глубине, и по достижениям с «великими народами».

Когда Кастрен в 1844 г. в своей публичной лекции убеждал слушателей в том, что саамы принадлежат к той же расе, что и финны, он не ставил перед собой лингвистической цели, а имел в виду территорию и отечество, подчеркнув, что если признать это родство, появится возможность считать родственными также самодийские и другие народы Сибири. В результате окажется, что когда-то «финская раса» заселяла одну седьмую часть земного шара.

Как мы видим, теория уральской общности являлась центральной на ранней стадии процесса мистификации в Финляндии. Хотя Эстония

и Венгрия прошли тот же путь, в деталях, естественно, он во многом отличался, особенно в части «создания» или «воссоздания» прошлого.

Во второй половине XIX в. во всех трех странах началось сближение национальных интересов. Это сближение, в свою очередь, породило ряд близких и порой переплетающихся между собой тенденций, которые стали существенной частью сути культурной и политической идентификации. Ставилась цель заменить объект лояльности людей — ниспосланный властителем — самопричинным понятием общего происхождения, общей культуры и общего опыта. Пробным камнем служили язык и вера в то, что именно он является показателем расового и культурного родства. Кроме того, предполагалось, что когда-то существовала общая культура и потому правомерно говорить о финно-угорском фольклоре, финно-угорской народной музыке, антропологии, этнографии и т. д. Уже в конце XIX в. такие науки существовали и преподавались, по крайней мере, в Венгрии, Эстонии и Финляндии, в рамках научных обществ, в виде публикаций, в университетах и музеях. Их влияние прослеживается в живописи и художественной литературе данных стран. Для уральской теории характерны преемственность и гибкость. Понятие, которое в XIX в. служило политическим интересам трех национальных групп — финнов, эстонцев и венгров, теперь явно питает надежду у многих народов, на базе языков и культур которых оно вырабатывалось.

5. Самоидентификация в изменяющемся мире

В нынешней ситуации можно усмотреть парадоксы, так как некоторые исследователи начали сомневаться в природе уральского родства и определять ее заново. Это отмечалось уже при рассмотрении идеи Корхонена. Сам я участвовал в этом процессе, более 11 лет назад став членом группы, в задачу которой входило составление тематической антологии того, что изначально называлось финно-угорским фольклором. Труд «Great Beag» («Большая Медведица») почти готов, и его подзаголовок переводится как «Тематическая антология устной поэзии, которая исполнялась на финно-угорских языках». В ходе работы выяснилось, что объединяющими факторами, насколько можно их обнаружить, служат сравнительно поздние явления, затрагивающие экологию, общество и культуру.

Личный опыт автора проливает свет на такой ракурс истории науки, в отношении которого опыт финских, эстонских и венгерских ученых отличен от опыта ученых тех стран, население которых говорит на индоевропейских языках. Серьезные ученые не оперируют понятиями *индоевропейский фольклор* или *индоевропейская этнография*, не говоря уже об *индоевропейской литературе*, такие понятия попросту неприемлемы. Однако факт, что подобные понятия используются в Венгрии, Эстонии и Финляндии, не означает, на мой взгляд, что исследователи этих стран лишены способности критически мыслить. Именно в данный момент в мире идут процессы, которые не могут не повлиять на современную дискуссию по вопросам этнической идентификации, особенно относительно малых народов.

Самой простой реакцией на рассматриваемые процессы является угрюмый пессимизм: создается картина об отравленном мире, выжившие жители которого утратили свою национальную идентификацию и бормочут на каком-то международном языке. На мой взгляд, это выглядит слишком упрощенно. Очевидно, мы будем наблюдать и в дальнейшем устрашающее влияние акультурации в тех обществах, которым приходится сжимать в одно или два поколения изменения,

происходившие на западе столетиями (причем не следует забывать: достаточно мучительно проходили и медленные изменения). Но в качестве гражданина страны, которая находится в постпромышленной стадии развития и приспосабливается к Европейскому Содружеству, я несколько не испытываю чувства ослабления своей национальной самоидентификации. Даже наоборот, меня удивляет эта двойственность идентификации, при которой территориальным факторам уделяется направленное и более управляемое внимание.

Соответственно и коллеги, которые занимаются международными отношениями, стали совершенствовать свой подход к национальному государству в качестве политического явления. Еще года три назад считалось естественным полагать, что национальное государство уходит в прошлое, будучи даже чем-то нежеланным. Подход к этому вопросу меняется, о чем свидетельствуют и изменения в подходе к самостоятельности стран Балтии, которая ныне воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Иногда задается вопрос, каким образом сочетать стремление малых национальных групп к самоопределению с преодолением проблем, полученных в наследство от национальных государств XIX и начала XX в. в результате смещения различных групп населения.

Этими размышлениями об общей истории уральских языков я попытался показать возможность существования различных национальных государств. Основная идея: национальное государство — такое же изобретение человека, как и остальные политические организации. Вторая идея служит продолжением первой — членство в национальном государстве не определяется расовыми понятиями, связанными с урожденностью или языком и являющимися эксклюзивными представлениями; это членство определяется усвоенным отношением, т. е. одобрением и благоприятствованием государству. И третья идея: национальное государство, как все изобретения человека, может когда-то разрушиться, и потому необходим механизм, т. е. институты, при помощи которых устранимы неисправности и несправедливость. События в Северной Ирландии и в Югославии служат прискорбными примерами того, что может случиться, если по различным историческим причинам восторжествует мистификация, а механизм обеспечения безопасности будет отсутствовать.

И, наконец, хотелось бы подчеркнуть безграничное многообразие человеческого поведения и культуры. Нельзя согласиться с тем, что культура человечества якобы будет представлена лишь массовой культурой одной или двух сверхдержав. Мне кажется, что электронная революция, быстрый обмен информацией, усовершенствованное образование, рост политической активности — особенно на местах — свидетельствуют скорее о дальнейшем обособлении. Но это не означает сохранения всего существующего: такое предположение показало бы, что мы не извлекли уроков из истории человечества. Означает это развитие таких новых форм локальных культур, которые сейчас можно лишь очень смутно себе представить.

ЛИТЕРАТУРА

- Hroch, M. 1985, *Social Preconditions of National Revival in Europe*, Cambridge.
Smith, A. D. 1986, *The Ethnic Origins of Nations*, Oxford.

MICHAEL BRANCH (London)

BETRACHTUNGEN ÜBER DIE ALLGEMEINE GESCHICHTE DER URALISCHEN SPRACHEN

Der Autor beleuchtet in seinem Artikel die uralische Sprachverwandtschaft, die gemeinsame Geschichte und Kultur der uralischen Völker sowie die Herausbildung der nationalen Kulturen und Staaten. Außerdem befaßt er sich mit den Problemen, die mit der Identität der uralischen Völker im Zusammenhang stehen.